

Яков Бутков

Сто рублей

Яков Петрович Бутков

Сто рублей

Аннотация

«Есть в мире предметы благоговения всеобщего, безусловного; есть величие, совершенное в глазах мудреца и дурака; есть сила, своенравно, деспотически располагающая жребием человеческим, – те предметы – рубли, то величие – рубли, та сила – в рублях!

Человек без рублей, хотя бы то был и чиновник, ничего не значит, ни к чему не годится и ничего не стоит. Человек с рублями, хотя бы то и не был чиновник, имеет значение всюду, годится ко всему и стоит той суммы рублей, которою он обладает...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

11

Яков Бутков

Сто рублей

Есть в мире предметы благоговения всеобщего, безусловного; есть величие, совершенное в глазах мудреца и дурака; есть сила, своенравно, деспотически располагающая жребием человеческим, – те предметы – рубли, то величие – рубли, та сила – в рублях!

Человек без рублей, хотя бы то был и чиновник, ничего не значит, ни к чему не годится и ничего не стоит. Человек с рублями, хотя бы то и не был чиновник, имеет значение всюду, годится ко всему и стоит той суммы рублей, которою он обладает.

И странно, что при такой популярности рублей доселе не дознано, какое именно количество их нужно на каждую православную душу или для счастья человека *данного* ранга! Впрочем, есть должности, в которых можно обойтись во все без жалованья, которые так и влекут к служению в них из одной чести, из одной любви к отечеству!

Но Авдей Аполлонович, давший повод к этому рассказу, не был из числа тех избранников, которым своенравная судьба шлет полное, личное и потомственное блаженство в образе такой-то счастливой должности. Авдей Аполлонович, чиновник, сын Аполлона Авдеевича, поэта, имел несчастье родиться в дождливый осенний вечер, в такую горькую ми-

нугу, когда отец его, прочтя жестокою критику на свои стихотворения, написанную, по его соображению, Карамзиным, смотрел на весь свет и, между прочим, на умножение своего рода с самой дурной точки зрения. «Стихов, – говорил он, – не раскупят после этой критики, а семейство увеличилось: надобно хлеба! Вздумал же этот ребенок, прости господи, родиться!» И Аполлон, изорвав в клочки журнал, заключавший в себе зловердную критику, и даже не взглянув на новорожденного, занялся, для успокоения оскорбленного самолюбия, сочинением антикритики, в которой с первых строк назвал Карамзина *оным господином* Карамзиным, далее просто *каким-то* Карамзиным, но считая и это недостаточным, объявил Карамзина не знающим российского стихотворства и присовокупил к тому иные сильные выражения, в наше время уже не употребляемые, потому что образованность разлилась всюду, даже между литераторами.

«Из того, что Авдею не посчастливилось родиться в пору, следует, что ему и жить не посчастливится. Трудно оступить-ся на первом шагу в этот коварный мир, а там уже и пойдешь спотыкаться, пока не упадешь в могилу!» Авдей был даже несчастнее многих, родившихся, подобно ему, не в пору: когда ему наступило шестнадцать лет, для него нигде во всем Петербурге не было места и вакансии – ни в школе, ни в канцелярии, ни в тесной квартире поэта, ни даже на Парнасе, куда Аполлон хотел было встатить свое детище, во избежание необходимости учить и платить за него. Искомой вакан-

ции нигде не оказалось. Между тем Аполлон родил после Авдея еще большой том стихотворений и маленькую дочь. Наконец он умер от восторга вследствие чтения третьей корректуры своих «Антологических цветов», а сын так на веки веков и остался без вакансии!..

Похоронив и помянув усопшего Аполлона по христианскому обычаю, Авдей, его мать и сестра Наташа, которой в ту пору было лет четырнадцать, принялись устраивать свое житье по новому способу: надобно было зарабатывать деньги на хлеб насущный, потому что поэт, скончавшийся в блаженном видении себя «Российским Анакреоном¹», не оставил своей семье ничего, кроме своих сочинений в корректурах. Мать достала себе и дочери работу для магазина, и они, работая по двенадцати часов в сутки, добывали вместе один медный рубль. Но Авдей не умел ни писать стихов, подобно своему отцу, ни шить женских нарядов, подобно матери и сестре, он умел только «писать разные бумаги» и тщетно старался приискать себе место для этого занятия. Он бывал во всех департаментах, палатах, канцеляриях, обращался к чиновникам всех классов и цветов, всюду – и все отвечали ему одно: *нет вакансии!*

Грустно и больно было бедному Авдею видеть себя в необходимости существовать трудами матери и сестры! Напрасно они ободряли его, советовали не огорчаться, подождать, походить, понаведаться еще раз, может быть, уже и откры-

¹ Анакреон (VI–V в. до н. э.) – древнегреческий лирический поэт.

лась где-нибудь ваканция – напрасно! В душу его западало страшное подозрение, что для него во всем мире нет и не будет вакансии, что он здесь так, какая-то случайность, ошибка – человек без вакансии! В отчаянии он решился попытаться «ваканции» в третий раз и отправился в прежние места.

В одном из тех мест на вопрос Авдея: «Что, позвольте спросить, еще не открылась ваканция?» чиновник с раздутыми щеками отвечал ему сиплым басом, величественно вздев нос к потолку: «Говорят вам, что нет! – Нет, так и нет! Что вы надоедаете своею ваканциею!» В эту самую минуту седой старик со звездой на груди глядел из другой комнаты в полуотворенную дверь на Авдея и на раздутого чиновника. Когда Авдей, еще более пораженный грубостью ответа, хотел уйти, старик спросил у него кротким голосом:

– Что вам угодно, молодой человек?

Авдей воодушевился отчаянием и отвечал:

– Надобно чем-нибудь жить, ваше превосходительство! Не оставьте! Не милостыни, а должности прошу! Зачем я на свет родился, если для меня нет вакансии, у меня не спрашивали! А теперь мать, сестра!..

Этот довод так подействовал на ласкового генерала, что он приказал Авдею подать просьбу о принятии его в «чиновники».

Авдей земли под собою не видел, бежа домой с радостною вестью. Он жил в четвертом этаже, но еще не добрался и до третьего, а уже кричал:

– Маменька! Наташа! Есть ваканция!

Он поступил на службу и стал служить... Вдруг в одно прекрасное утро чиновник с раздутыми щеками, бывший его начальником, объявил ему, что его превосходительство генерал переведен в другое ведомство и что по причине преобразования канцелярии он, Авдей, оставлен за штатом, то есть *без вакансии!*

Для человека, испытывающего радости жизни только один раз в месяц, при получении жалованья, нет ничего ужаснее, убийственнее, как быть внезапно оставленным за штатом, неожиданно лишиться вакансии и не видеть в длинной цепи грядущих дней ни одного первого числа!

И вот Авдей опять без вакансии! Несчастный! Он только что изучил силу и необходимость двадцати рублей ассигнациями, которые получал ежемесячно в канцелярии и отдавал матери, а мать всегда в таких случаях покупала что-нибудь ему и сестре... и все были так веселы, так счастливы... И все разрушилось!

Нет в свете такого английского, стального, усовершенствованного, патентованного пера, которое могло бы изобразить глубокую печаль бедного чиновного трехдушного семейства, пораженного, растерзанного мыслию, что Авдей опять без вакансии! Каждая душа томилась и страдала по своему, порознь от двух прочих душ, каждая старалась сказать что-нибудь утешительное, но в уединении проливала горькие слезы!

Вообще несчастье *данной* силы действует не на всех одинаково: есть люди, которые под гнетом несчастья утешаются какою-нибудь мечтою, воображая себя, например, гнущими по четыре угла сряду, срывающими банк; есть люди, которые только бранятся и проклинаят весь свет, не допуская никаких утешений, никакого развлечения; есть люди, которые ничего не проклинаят, а только думают: «Вот опять несчастье! Даже и на Невский не хочется взглянуть... по этому несчастье сейчас заметно!» Есть, наконец, люди, которые в несчастьи тоже ничего не проклинаят, но и не думают о Невском, как другие думают только о том, что они несчастны, что нет для них в мире ни одной радости, ни одной верной надежды, ни одной вакансии, которые считают несчастье не преходящим злом, а уделом всей своей жизни. Это самые несчастные, и к их числу принадлежало многострадальное семейство «Российского Анакреона». Но давно замечено и многократно повторено, что всякое горе проходит. Так и оставление Авдея за штатом сначала повергло семейство Анакреона в скорбь неутолимую, потом постепенно все стали привыкать к этой беде, и Авдею первому пришла в голову живительная мысль, что если один раз ему уже удалось отыскать ваканцию, то, может, удастся это и в другой. Он вспомнил, что не все пишущие и переписывающие люди служат в департаментах и палатах, что многие чиновники служат в купеческих конторах, что есть чиновники конторщики, так же как чиновники столоначальники. Одушевлен-

ный новою надеждою, Авдей отправился в конторы, впрочем, не в самые конторы, а только в передние, где обыкновенно лежат сторожа, занимаясь сподручным делом – почесыванием затылка и боков. У этих сторожей, которые происходили из отставных солдат или из кровных мужиков, Авдей смиренно осведомлялся: «Нет ли здесь вакансии по письменной части?» и в десяти передних получил один ответ, что вакансии никакой нет! Бесполезно прохаживая по Петербургу с осьми часов утра до трех пополудни, когда обыкновенно конторы пустеют, он уже под губительным влиянием разочарования зашел в переднюю конторы господ Щетинина и компании. Там сторожа не оказалось, и Авдей должен был пройти прямо в контору, где кроме четырех конторщиков изволили быть и *сами*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.